

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИЯ

Сезон 6

«ЗАСЫПАНЫЙ РУБЕЖ»

Александра Венглинская

Сезон 6 · материалы № 55–65 из 233 · цикл I

СОДЕРЖАНИЕ

1. Неизвестного солдата привезли к Кремлю из-под Зеленограда
2. Медальон нашли школьники. А солдат оказался жив
3. Из десяти городов-спутников Москвы построили только один
4. Хрущёву подарили первый в мире микроприёмник. Дарили американцы
5. Дважды лауреат Сталинской премии начинал кочегаром
6. Эти микросхемы пятнадцать лет проработали на орбите
7. Фальшивку сочинил советский писатель. Настоящий документ страшнее
8. У него была «Волга» с кремлёвскими номерами и четыре остановки до работы
9. Завод купил поддержанную линию AMD — и обанкротился
10. Он делал прицелы для зениток, а потом построил МИЭТ
11. На памятнике, который стоит на гербе города, появились имена

Неизвестного солдата привезли к Кремлю из-под Зеленограда

№ в серии: 55 из 233 · № в сезоне: 1 из 11 · Сезон: 6 «Засыпанный рубеж» · Дзен: 28.10.2026 · ЖЖ: 10.12.2026 · Теги: Историческая Россия, Засыпанный рубеж, Несокрушимая и легендарная

3 декабря 1966 года гроб с безымянным прахом везли на артиллерийском лафете по улице Горького.

Взяли его из братской могилы на сороковом километре Ленинградского шоссе — там, где сегодня стоит Зеленоград.

Большинство тех, кто приходит к Вечному огню, не знает, откуда именно принесли этого солдата.

У ворот Александровского сада гроб встречали двое пожилых маршалов. Георгий Жуков и Константин Рокоссовский.

В декабре 1941-го первый командовал Западным фронтом, второй — 16-й армией, той самой, что держала подступы к Москве по Ленинградскому шоссе.

Через двадцать пять лет они принимали прах солдата, погибшего на их рубеже.

Рокоссовский вместе с партийными деятелями нёс гроб последние метры до могилы.

Стоит задуматься: командующий армией нёс на руках безымянного бойца собственной армии — и не знал, и не мог знать, кого именно несёт.

Человека здесь определяет не графа в бумагах, а то, что он сделал на своём рубеже. Эту мысль стоит запомнить на весь сезон.

ПОЧЕМУ ПРАХ ВЗЯЛИ ИМЕННО ОТСЮДА

Место для символа выбирали не по красоте сюжета. Критерии были жёсткими, почти инженерными.

Солдат должен был быть по-настоящему безымянным — без медальона, без знаков различия, чтобы никто и никогда не смог заявить,

что знает его имя. И погибнуть он должен был там, куда немцы не дошли, — чтобы исключить даже тень мысли, будто это пленный.

Сороковой километр отвечал обоим условиям.

Здесь, у деревень Крюково и Матушкино, в первых числах декабря стояла насмерть 354-я стрелковая дивизия полковника Дмитрия Алексеева.

Отсюда, из братской могилы, куда местные жители свезли и похоронили павших весной 1942-го, и взяли Неизвестного солдата.

Формально всё оформили документом: 12 ноября 1966 года Моссовет принял решение № 43/31 «О могиле Неизвестного Солдата в Москве». Финансирование и стройку возложили на город. Открыли мемориал у Кремлёвской стены 8 мая 1967 года.

КТО ЭТО ПРОБИЛ

У идеи были конкретные авторы, и это не Брежнев.

Мысль подал председатель Совета министров Алексей Косыгин — он вернулся из Польши, где возлагал венок к тамошней Могиле Неизвестного Солдата.

А пробивал идею первый секретарь Московского горкома Николай Егорычев — человек, который сам в 1941-м студентом ушёл в ополчение, был ранен под Москвой и вернулся на фронт.

Ополченец обороны Москвы, став хозяином города, поднимал к Кремлю Неизвестного из защитников Москвы.

Брежнев решения долго не принимал. Тогда Егорычев пошёл на хитрость: перед торжественным заседанием в Кремле расставил в комнате отдыха членов Политбюро эскизы и макеты будущего памятника — и поставил руководство перед фактом.

Эпитафию «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен» написал Сергей Михалков.

Сначала строка звучала иначе — «Имя его неизвестно»; на «твоеё» её заменил всё тот же Егорычев, и отстранённое сообщение стало прямым

обращением.

А 8 мая 1967 года факел с огнём, привезённым из Ленинграда, на Манежной площади принял от лётчика Алексея Маресьева и зажёл Вечный огонь Леонид Брежнев — сам фронтовик.

СПОР О ЦИФРАХ, КОТОРЫЙ НЕ ЗАКРЫТ

Здесь — первая из зазубрин, которых в этой истории много.

Часть источников называет не сороковой, а сорок первый километр.

Расхождение маленькое, но показательное: даже в главном ритуале памяти точная точка на карте гуляет от документа к документу.

В этом сезоне точность будет важнее гладкости, поэтому такие места я буду называть прямо, а не заглаживать.

И вопрос покрупнее. Сколько человек лежит в той братской могиле? По одним данным — больше семисот шестидесяти. Установленных поимённо имён — около двухсот.

Точного числа не знает никто, и это не дефект учёта. Это природа самого места: оно вобрало в себя больше людей, чем смогло назвать.

Тогда, в 1966-м, безымянность считалась святыней. Через полвека с ней обойдутся иначе — но об этом в сезоне будет отдельный, тяжёлый разговор.

ОДНА ЗЕМЛЯ — ТРИ СУДЬБЫ

Теперь можно назвать то, ради чего затевается весь сезон.

Земля сорокового километра прожила три разные жизни, и все три — на одном и том же клочке подмосковного поля.

Сначала её освятили кровью: в декабре 1941-го здесь остановили немцев в 35 километрах от Москвы, и отсюда страна взяла своего Неизвестного солдата.

Потом на этой земле задумали невозможное.

Постановлением № 248 от 3 марта 1958 года тут начали строить город-спутник на 65 тысяч жителей — под текстиль и лёгкую промышленность.

А 8 августа 1962 года новым постановлением его развернули к микроэлектронике: выросли девять институтов, пять заводов и вуз, и к 1980 году один только «Микрон» выпускал около 100 миллионов микросхем в год.

А потом всё это стали стирать: и память о городе-науке, и сами заводы, и, наконец, дотянулись до кургана, откуда всё началось.

Кровь. Замысел. Стирание. Три судьбы одного места — и об этом весь сезон, десять историй.

Будут люди: тот самый Николай Егорычев; Камиль Валиев, наладивший выпуск первых серийных микросхем; директор, сгоревший на работе за семь лет; ректор, которого студенты звали дедом; секретарь горкома, ездивший на работу на рейсовом автобусе.

Будут документы: настоящая директива американского Совета национальной безопасности — и подделка, которую за неё выдают.

Будет то, что построили под началом министра Александра Шокина и архитектора Игоря Покровского, — и то, что от этого осталось.

ЛИЧНАЯ ОГОВОРКА

У меня к этой земле счёт не сторонний. Я выросла в Зеленограде. Школа, в которой я училась, в 1966 году провожала одиннадцать безымянных воинов, и одного из них через несколько месяцев назвали Неизвестным солдатом и упокоили у Кремлёвской стены.

Это не даёт мне права на вымысел — наоборот, обязывает к точности. Всё, что нельзя подтвердить, я буду называть неподтверждённым.

Рассказывают, например, что человек, поднявший мемориал у Кремля, воевал именно на этом участке шоссе и знал кого-то из тех, кто здесь лёг.

Красивая деталь. Документального подтверждения ей нет — и потому я не стану на неё опираться.

ВОПРОС, С КОТОРОГО НАЧИНАЕТСЯ СЕЗОН

Итак, вот земля, которая дала стране её главный символ безымянного бессмертия. Земля, которую защищали насмерть и на которой потом построили один из самых амбициозных научных проектов в истории страны.

Что с ней стало? И почему на её кургане — на том самом, откуда взяли Неизвестного солдата, — несколько лет назад вдруг появились имена, которых там никогда не было и по замыслу быть не могло?

Первый материал сезона «Засыпанный рубеж», всего 11. В следующий раз — о солдате Садыке Зарыпове, чей смертный медальон нашли школьники, и о том, что было дальше.

Медальон нашли школьники. А солдат оказался жив

№ в серии: 56 из 233 · № в сезоне: 2 из 11 · Сезон: 6 «Засыпанный рубеж» · Дзен: 29.10.2026 · ЖЖ: 12.12.2026 · Теги: Историческая Россия, Засыпанный рубеж, Несокрушимая и легендарная

15 октября 1963 года в зеленоградской школе № 842 шёл траурный митинг. Хоронили останки бойцов, поднятых из земли рядом со школой. Среди них нашли смертный медальон на имя Садыка Зарыпова. Дети написали его родным — и получили ответ от самого Зарыпова.

Он был жив. Медальон выпал у него из кармана в окопе при бомбёжке в декабре 1941-го, а сам он уцелел и прошёл войну.

Двадцать с лишним лет спустя школьники подмосковного города, выросшего на месте тех боёв, «похоронили» живого человека — и он откликнулся из своей живой жизни.

Эта почти невозможная история — не курьёз. Она про самую тонкую вещь, вокруг которой построена вся память об этой земле: про грань между именем и безымянностью.

КАК ЭТО БЫЛО

Осенью 1963-го учительница биологии по фамилии Устюжанина повела класс на экскурсию. Далеко идти не пришлось: школа № 842 стояла на земле, где в декабре 1941-го держал оборону один из полков 354-й стрелковой дивизии.

Здесь, под Крюково и Матушкино, немцев остановили в тридцати пяти километрах от Москвы. Держала этот участок 354-я стрелковая дивизия полковника Дмитрия Алексеева — часть 16-й армии Константина Рокоссовского. Дальше отступать было некуда.

Цена этих дней известна поимённо в сводках.

С 1 по 11 декабря 1941 года дивизия потеряла 394 человека убитыми, 1458 ранеными и 493 обмороженными — наивысшие потери в 16-й армии

за тот период.

Почти пятьсот обмороженных — отдельная правда той зимы: морозы доходили до тридцати градусов, и холод калечил наравне с огнём.

Из этих обмороженных 255 пришлось на один 1203-й полк, дравшийся за Крюково. Посёлок освободили 8 декабря 1941 года.

После боёв земля осталась нашпигована тем, что оставляет война: неразорвавшимися снарядами и незахороненными людьми в осыпавшихся окопах.

При строительстве нового города такие находки шли одна за другой.

Подъёмом останков в 842-й школе занимались вместе с военкомом Зеленограда Владимиром Кокуровым; собранное свозили в братскую могилу на сороковом километре Ленинградского шоссе, а гробы до захоронения временно ставили в той же школе.

Среди поднятых на той экскурсии бойцов и был медальон Зарыпова — маленький пластиковый пенал с бумажным вкладышем, куда солдат вписывал имя и адрес. Дети сделали то, что должны были: написали по адресу, чтобы сообщить родным, где лежит их близкий.

ОТВЕТ, КОТОРОГО НЕ ЖДАЛИ

Ответил сам «погибший».

Живой Садык Зарыпов объяснил: медальон он потерял в бою, а сам остался жив. Представьте эту минуту в школьном классе: письмо, адресованное мёртвому, приходит от него самого. Воспоминания об этой истории до сих пор хранятся в школьном музее боевой славы.

Поднятых тогда бойцов перезахоронили в братской могиле на 40-м километре Ленинградского шоссе.

Через одиннадцать лет, 24 июня 1974 года, над ней откроют мемориал «Штыки» — 42-метровый обелиск в виде трёх сомкнутых штыков на 27-метровом кургане, который войдёт в герб и флаг Зеленограда.

Здесь нужно быть честным с деталями, потому что рассказ за десятилетия оброс вариантами.

В одних пересказах речь идёт о перезахоронении панфиловцев, в других — просто советских воинов; называют то одиннадцать поднятых бойцов, то двенадцать; путается и год — то 1963-й, то середина шестидесятых.

Точную дату — 15 октября 1963 года — я привожу по зеленоградскому краеведению, но сам разнбой показателен: даже громкая история за полвека расплывается.

Неизменным остаётся ядро: смертный медальон нашли, написали родным, ответил живой человек. Это подтверждается независимо в нескольких источниках.

ПОЧЕМУ ЭТО ВАЖНЕЕ, ЧЕМ КАЖЕТСЯ

Три года спустя, в 1966-м, с этой же земли, из этой же братской могилы, страна возьмёт прах для Могилы Неизвестного Солдата у Кремлёвской стены.

Пробьёт это первый секретарь Московского горкома Николай Егорычев — сам ополченец обороны Москвы; а встречать прах у Александровского сада будут маршалы Георгий Жуков и Константин Рокоссовский.

И критерий выбора будет прямо противоположным истории Зарыпова. Для главного символа искали солдата, у которого имени нет и быть не может, — без медальона, без документов, чтобы никто и никогда не смог его опознать. Безымянность стала святыней.

А случай Зарыпова — про обратное: про то, как имя, уже почти растворившееся в общей могиле, вдруг вернулось к живому владельцу.

Один и тот же клочок земли за три года показал обе стороны одной медали: невозможность назвать большинство павших — и внезапное возвращение имени одному из мнимо погибших.

СКОЛЬКО ИХ ТАМ НА САМОМ ДЕЛЕ

Точного числа не знает никто, и это не оговорка.

В братской могиле на сороковом километре, по разным оценкам, покоится больше семисот шестидесяти человек.

Поимённо установлено около двухсот — этим много лет занималась зеленоградский историк и свидетельница тех боёв Александра Васильева.

Разрыв между числом лежащих и числом названных — в несколько раз, и он, скорее всего, не закроется никогда.

Это и есть природа места: оно приняло в себя больше людей, чем смогло назвать. И потому всякая попытка навести здесь именной порядок задним числом упирается в неразрешимое: назвать двести — значит на том же камне промолчать о пятистах.

Зарыпову повезло дважды: он выжил и он был назван — пусть по ошибке, пусть посмертным медальоном при живом хозяине. Большинству его товарищей по той земле не досталось ни первого, ни второго.

ВОПРОС

Медальон Зарыпова хранится как память об удивительном случае. Но он ставит вопрос, на который в этом сезоне придётся отвечать всерьёз.

Если даже одного солдата эта земля едва не назвала мёртвым по ошибке, — что происходит, когда через шестьдесят лет кто-то решает нанести на общий памятник список из двухсот имён, зная, что рядом лежат пятьсот безымянных?

Кому от этого лучше — и не повторяется ли тут, только наоборот, ошибка школьников 1963 года?

Второй материал сезона «Засыпанный рубеж», всего 11. В следующий раз — новый сезон и новая земля.

Из десяти городов-спутников Москвы построили только один

№ в серии: 57 из 233 · № в сезоне: 3 из 11 · Сезон: 6 «Засыпанный рубеж» · Дзен: 31.10.2026 · ЖЖ: 14.12.2026 · Теги: Историческая Россия, Засыпанный рубеж

3 марта 1958 года председатель Совета Министров СССР Николай Булганин подписал постановление № 248 — о строительстве нового города у станции Крюково.

Цель в первом пункте: «рассредоточение населения города Москвы». Расчётное население — 65 тысяч человек. О микроэлектронике в документе нет ни слова.

Институт Генплана Москвы под руководством главного архитектора Николая Улласса ещё в 1956 году предложил окружить столицу десятком городов-спутников по 30–65 тысяч жителей каждый.

Построили из них ровно один — тот, что у Крюково. И он единственный стал не спальным придатком, а научной столицей страны.

Как город, задуманный под расселение и лёгкую промышленность, превратился в советскую Кремниевую долину — история про то, что великий замысел пришёл не сверху.

ЧТО БЫЛО В ДОКУМЕНТЕ

Под будущий город отвели 1128 гектаров между Октябрьской железной дорогой и Ленинградским шоссе — в 37–41 километре от центра Москвы. Это около трети территории нынешнего Зеленограда — город потом вырастет далеко за исходные границы.

Постановление предписывало застраивать город четырёхэтажными домами со свободной планировкой и наилучшими санитарно-гигиеническими условиями; квартиры проектировались на одну семью при норме 9 квадратных метров жилой площади на человека.

Архитекторам пришлось переделывать типовые полносборные пятиэтажки — убирать пятый этаж и добавлять в каждую квартиру приставной балкон-этажерку.

22 октября 1958 года вышло отдельное постановление Совмина РСФСР о передаче под стройку лесного массива в 298 гектаров.

Первым зданием города стала электрическая подстанция, возведённая зимой 1958–1959 годов.

Железнодорожную ветку от Крюково тянули прежде всего для подвоза железобетонных плит.

На отведённой земле пока стояли деревни — Савелки, Матушкино, Крюково. Те самые Матушкино и Крюково, за которые в декабре 1941-го шли бои и у которых остановили немцев: город строили ровно на месте рубежа, хотя в постановлении об этом нет ни слова.

Города не было даже по имени: название «Зеленоград» появилось только 15 января 1963 года, а до того он значился просто «новым городом в районе станции Крюково». Дату подписания постановления, 3 марта 1958 года, с тех пор считают днём основания города.

ГОРОД ТКАЧЕЙ

Специализацию будущему городу назначили прозаическую.

В западной зоне планировали разместить предприятия лёгкой промышленности; сюда же собирались вывести из Москвы часовой и подшипниковый заводы. Текстиль и приборостроение — вот исходный профиль. В обиходе город прочили во «второе Иваново», «город невест».

Эту формулу я привожу как молву эпохи, а не как строку документа: в постановлениях таких выражений не бывает.

Но за ней стоит подтверждаемый факт — лёгкая и текстильная специализация действительно закладывалась в первоначальный замысел. Отделять документ от предания я буду прямо в тексте весь сезон.

Плановый срок завершения первой очереди — 1963 год. К весне того года в первом микрорайоне стояло уже до двух десятков зданий, а с весны

1963-го по плану должны были вступать в строй заводы и начинать работу НИИ.

ПОВОРОТ 8 АВГУСТА 1962 ГОДА

А потом судьба города переломилась — и у перелома есть дата и автор.

8 августа 1962 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, развернувшее строящийся город к микроэлектронике.

Инициатором был Александр Шокин — будущий многолетний министр электронной промышленности, а тогда председатель Государственного комитета по электронной технике.

Шокину нужна была площадка, где можно собрать в один кулак всё сразу: научно-исследовательские институты, опытные и серийные заводы, вуз для подготовки инженеров.

Не отдельное предприятие, а целую экосистему, спроектированную заранее.

Строящийся город у Крюково подходил идеально — чистое поле, близость к Москве, столичный кадровый резерв.

Так вместо ткацких фабрик здесь начали строить Научный центр.

Первым его директором стал Фёдор Лукин, выпуск первых серийных схем наладит Камиль Валиев, институт для инженеров возглавит Леонид Преснухин.

А архитектурную линию города-сада, где кварталы вписаны в сохранённый лес, вели Игорь Рожин и сменивший его главный архитектор Игорь Покровский — тот самый, что в 1974 году построит мемориал «Штыки».

КТО ДАЛ ДОБРО — И КТО НЕ ДАЛ ЗАМЫСЛА

Здесь нужна точность, которой обычно не хватает пересказам.

Часто пишут, будто высшее руководство прозорливо поставило на микроэлектронику.

Документы говорят иначе. В 1961 году Шокин лично демонстрировал возможности полупроводников членам Политбюро в Кремле, и добро на форсированное развитие было дано на высшем уровне. Никита Хрущёв поворот санкционировал — это факт.

Но санкционировать и породить — разные вещи. Приоритет пришёл не сверху, а сбоку и снизу: от профильного ведомства и его руководителя.

Верхушка дала ход тому, что вызрело под ней, — и дала с запозданием: четыре года город строился под текстиль, когда история уже требовала кремния.

Была ли это простая недалёковидность или нечто большее — честный ответ один: неизвестно. Документов об умысле нет, и выдумывать их я не стану. Но запаздывание и несамостоятельность решения задокументированы.

ВОПРОС

Итак, из десяти задуманных городов-спутников построили один, и тот едва не остался текстильным придатком столицы. Развернуло его к науке усилие одного ведомства против инерции утверждённого плана.

Если великий замысел этого места держался не на прозорливости верхов, а на воле нескольких профессионалов, — что случится, когда этих людей не станет, а верхам станет не до того?

Третий материал сезона «Засыпанный рубеж», всего 11. В следующий раз — новый сезон и новая земля.

Хрущёву подарили первый в мире микроприёмник. Дарили американцы

№ в серии: 58 из 233 · № в сезоне: 4 из 11 · Сезон: 6 «Засыпанный рубеж» · Дзен: 02.11.2026 · ЖЖ: 16.12.2026 · Теги: Историческая Россия, Засыпанный рубеж

В июне 1962 года Никита Хрущёв приехал в ленинградское конструкторское бюро КБ-2.

Ему показали управляющую ЭВМ УМ-1НХ и первые в стране гибридные микросхемы, а на прощание подарили первый в мире микрорадиоприёмник.

Демонстрацию вёл Филипп Старос — американец Альфред Сарант из разведывательной сети Розенбергов.

Рядом стоял его давний товарищ Иосиф Берг — он же Джоэл Барр, тоже американец, тоже из той же сети.

Через два месяца после этого визита, 8 августа 1962 года, выйдет постановление ЦК КПСС и Совмина о создании центра микроэлектроники в Зеленограде. А сам Старос станет в этом центре заместителем директора по науке.

История почти невероятная — и потому её особенно легко испортить преувеличением. Разберём по фактам.

КТО ОНИ БЫЛИ

Джоэл Барр родился 1 января 1916 года в Нью-Йорке, в семье эмигрантов. Инженер-электротехник, он ещё до войны стал агентом советской разведки. Его друг Альфред Сарант шёл тем же путём.

Оба входили в разведывательную сеть, связанную с именем Джулиуса и Этель Розенбергов, — ту самую, чья работа внесла вклад в создание советского ядерного щита и лишила Америку монополии на бомбу.

Работали они не за деньги: это были убеждённые коммунисты, сделавшие сознательный выбор в пользу Советского Союза в годы, когда

за такой выбор в США шли на электрический стул. Розенберги на него и пошли.

Когда в начале 1950-х сеть начали брать, Барр и Сарант ушли. Через Европу оба перебрались в советскую зону влияния, оставив за спиной прежние жизни, имена и родину.

Сначала налаживали радиолокацию в Чехословакии, у границы с НАТО.

В 1956 году приехали в СССР — Барр стал Иосифом Вениаминовичем Бергом, Сарант — Филиппом Георгиевичем Старосом. Здесь они и остались навсегда, работая на страну, которую выбрали.

В Ленинграде Старос возглавил лабораторию СЛ-11, позже развёрнутую в конструкторское бюро КБ-2. Этим бюро они руководили с 1956 по 1973 год.

ЧЕГО ИМ ПРИПИСЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ

Здесь первая и главная оговорка, без которой история превращается в дешёвую сенсацию.

Сеть, к которой они принадлежали, вошла в историю прежде всего атомным направлением — тем, что помогло стране получить бомбу и уравнивать шансы.

Но сами Барр и Сарант работали по другой линии: радиоэлектроника, радары, вычислительная техника.

Их личный вклад — не в ядерном проекте, а в том, что стало вторым техническим щитом страны, электронным.

Эту границу я провожу не для того, чтобы что-то у них отнять, а ровно наоборот.

Припишешь инженерам чужую заслугу — и оппонент опрокинет весь рассказ ссылкой на биографию.

Скажешь точно — идейные коммунисты из розенберговской сети, отдавшие Советскому Союзу собственную страну и принёсшие ему

концепцию отраслевого центра микроэлектроники, — и опровергнуть нечего.

МАШИНА ВЕСОМ 80 КИЛОГРАММОВ

Главным их изделием стала УМ-1НХ — управляющая ЭВМ для контроля и управления производством.

Разработку начали в 1958 году, в 1962-м машину приняла Государственная комиссия, а с 1963 года её выпускали серийно на Ленинградском электромеханическом заводе.

Габариты — 880 на 535 на 330 миллиметров, масса без блока питания 80 килограммов.

Система команд — 32 команды; восемь каналов ввода данных в виде постоянного напряжения от минус пяти до плюс пяти вольт и ещё восемь — в виде угла поворота вала.

Её называют первым советским мини-компьютером — машиной нового класса.

«Настольной» она была с иронией — восемьдесят килограммов на стол не поставишь, — но для рубежа 1950–60-х это был прорыв: компактная машина, работавшая в реальном времени и годная для управления технологическими процессами на электростанциях, в прокатке стали, в производстве кинескопов. За эту разработку авторы получили Государственную премию СССР.

ВИЗИТ, КОТОРЫЙ РЕШИЛ СУДЬБУ ЗЕЛЕНОГРАДА

Визит Хрущёва в июне 1962 года организовали Дмитрий Устинов и возглавивший к тому времени Государственный комитет по электронной технике Александр Шокин.

Хрущёву показали не только УМ-1НХ, но и машину УМ-2, микрорадиоприёмник и первые в стране гибридные микросхемы.

И главное — доложили перспективу: страна может совершить рывок в микроэлектронике, гражданской и особенно военной, если создать

мощный научно-производственный центр, где наука, производство и подготовка кадров собраны в одном месте.

Впечатление было сильным. Там же Шокин представил проект постановления о создании такого центра в Зеленограде — и получил принципиальное одобрение. После согласований 8 августа 1962 года постановление ЦК КПСС и Совмина было подписано.

Директором центра назначили Фёдора Лукина, а заместителем по науке — Филиппа Староса.

То есть американец, привёзший идею, вошёл в руководство зеленоградского Научного центра: между демонстрацией машины в Ленинграде и подписанным постановлением о новом городе науки прошло меньше двух месяцев.

ИДЕЯ ПРИШЛА СБОКУ

Вот тезис, ради которого стоило распутывать эту историю.

Стратегическую идею — собрать микроэлектронику в единый комплексный центр и на нём догонять мир — принесли в советскую систему не с вершины власти.

Её принесли двое инженеров-перебежчиков, подхватило профильное ведомство в лице Шокина и Устинова, а высшее руководство лишь санкционировало.

Это сквозной мотив сезона: великое здесь возникало снизу и сбоку — от профессионалов, увидевших будущее раньше начальства. Роль верхов сводилась к тому, дать ход или не дать. В тот раз — дали.

Судьба самих носителей идеи сложилась по-разному. Барр прожил в СССР больше сорока лет и умер в Москве 1 августа 1998 года.

Их бюро продолжало работу до 1973 года, создав первые миниЭВМ и большие интегральные схемы, в том числе для военной техники; в 1970 году там сделали первый в стране микрокалькулятор «Электроника 2471».

ВОПРОС

Итак, идею советской Кремниевой долины принесли люди, добровольно отказавшиеся от родины ради страны, в которую поверили. И она сработала: город построили, схемы пошли в серию, отрасль состоялась.

Но если фундамент замысла заложили пришедшие извне, а верхи лишь визировали чужие прозрения, — насколько прочной была такая конструкция, когда носители идеи ушли, а визировать стало некому?

Четвёртый материал сезона «Засыпанный рубеж», всего 11. В следующий раз — новый сезон и новая земля.

Дважды лауреат Сталинской премии начинал кочегаром

№ в серии: 59 из 233 · № в сезоне: 5 из 11 · Сезон: 6 «Засыпанный рубеж» · Дзен: 04.11.2026 · ЖЖ: 18.12.2026 · Теги: Историческая Россия, Засыпанный рубеж

Фёдор Викторович Лукин, первый директор зеленоградского Центра микроэлектроники, в 1925 году работал кочегаром на Бобруйской махорочной фабрике.

В марте 1934 года он получил диплом инженера-электрика Московского энергетического института.

Между этими датами — девять лет и государство, которое открыло ему дорогу.

Дальше были две Сталинские премии, Ленинская премия, радиолокационные станции дальнего обнаружения для системы противоракетной обороны — и город, построенный в чистом поле за семь лет.

Это не история самородка, пробившегося вопреки. Это история страны, которая целенаправленно вытаскивала способных людей наверх и делала из них конструкторов первого ряда.

ЧТО ДАЛА ЕМУ СТРАНА

Лукин родился 25 июля 1908 года в местечке Глуск Минской губернии.

Первая мировая и Гражданская войны выбили из-под семьи всё: в школе он успел получить только начальное образование. Работал пастухом, возчиком на переправе через Березину, грузчиком. С 1925 по 1927 год — кочегаром на махорочной фабрике в Бобруйске.

А дальше начинается то, ради чего этот текст и написан.

В 1927 году он сдал квалификационные экзамены и был принят помощником машиниста на Центральную Бобруйскую электростанцию.

В 1929-м поступил на электротехнический факультет МВТУ имени Баумана.

В апреле 1930 года его перевели в выделившийся из МВТУ Московский энергетический институт, который он окончил в марте 1934-го с дипломом инженера-электрика по специальности «радиотехника».

Ещё студентом, с 1932 года, он работал в радиолaborатории МЭИ — лаборантом, техником, инженером, заместителем заведующего лабораторией.

А с 1934 по 1939 год уже сам преподавал: в МЭИ читал курс измерений, в Московском электротехническом институте связи — курс радиоприёмных устройств.

Двадцатишестилетний бывший кочегар читает лекции в столичном институте. Вот как это работало: не чудо и не везение, а система, которая искала способных и доводила их до дела.

КОНСТРУКТОР ЭЛЕКТРОННОГО ЩИТА

К зениту карьеры Лукин был крупным конструктором радиолокации — той области, где решалась безопасность страны.

Он занимался станциями дальнего обнаружения для систем противовоздушной и противоракетной обороны: радарами, способными видеть цель за сотни километров, и вычислительными машинами, считавшими траектории.

С августа 1960 года руководил НИИ-37, будущим НИИ дальней радиосвязи, — одним из ключевых оборонных институтов страны.

Оценка государства выражена наградами, и это не формальность: две Сталинские премии и Ленинская премия — высшие научно-технические награды страны, которые давали не за выслугу, а за системы, реально вставшие на боевое дежурство.

Плюс ордена. Так страна отвечала тем, кого сама же и вырастила: сначала дала образование, потом дала дело, потом признала результат по высшему разряду.

Именно там, в оборонном институте, Лукин создал одну из первых в стране лабораторий микроэлектроники — и, сам того не зная, начал готовить задел для города, который ему предстояло строить.

СЕМЬ ЛЕТ В ЧИСТОМ ПОЛЕ

Когда Александр Шокин разворачивал строящийся Зеленоград к микроэлектронике, лучшего первого директора было не найти.

Постановлением Совета Министров от 29 января 1963 года Лукина назначили заместителем председателя Государственного комитета по электронной технике, а с 8 февраля он стал первым директором Центра микроэлектроники.

За семь лет его руководства, с 1963 по 1970 год, в подмосковном поле выросли девять научно-исследовательских организаций, пять опытных заводов и вуз.

С нуля, под задачу, которой в стране раньше не решали. Центр наградили орденом Ленина, самого Лукина — орденом Октябрьской Революции.

Переведите это на язык обыденного.

За семь лет один человек и его команда развернули в чистом поле целую отрасль в миниатюре: институты, конструкторские бюро, опытные производства и институт, готовивший для них инженеров. Такое не делается в рабочем порядке — только на пределе сил.

Рядом работали люди того же склада. Выпуск первых серийных схем налаживал Камиль Валиев, институт для инженеров строил Леонид Преснухин, а заместителем директора по науке был Филипп Старос — американский инженер, привёзший в СССР саму идею такого центра.

ОН НЕ ДОЖИЛ ДО ОТПУСКА

Осенью 1970 года Лукин наконец собрался отдохнуть — и медкомиссия обнаружила запущенную неизлечимую болезнь.

10 ноября 1970 года в больнице попытались оперировать; состояние признали безнадежным. 18 июля 1971 года Фёдор Викторович Лукин умер. Ему было шестьдесят три.

Здесь нужно быть аккуратной. Его смерть часто связывают напрямую с профессиональными ударами последних лет — сворачиванием проектов, в которые он вложил себя.

Хронологически одно шло рядом с другим. Но утверждать, что горе на работе прямо убило человека, — значит выдавать догадку за медицинский факт.

Скажу только то, что видно: он не дожил ни до отпуска, ни до спокойных лет.

В 1983 году зеленоградскому НИИ физических проблем присвоили его имя — оно стоит на институте и сегодня.

ВОПРОС

Соберём биографию в одну строку. Кочегар махорочной фабрики — студент МЭИ — преподаватель — конструктор систем противоракетной обороны — дважды лауреат Сталинской премии и лауреат Ленинской — первый директор города микроэлектроники.

Ни одного шага в этой цепи он не сделал бы, если бы страна не построила систему, которая находит таких людей и доводит их до диплома, лаборатории и большого дела.

Это и есть социальный лифт — не метафора, а работающий механизм с адресами, экзаменами и дипломами.

Вопрос, который я оставляю открытым: сколько таких Лукиных страна нашла за те десятилетия — и сколько их сегодня работает кочегарами, потому что механизм разобрали?

Пятый материал сезона «Засыпанный рубезж», всего 11. В следующий раз — о зеленоградской электронике, пятнадцать лет проработавшей на орбитальной станции «Мир».

Эти микросхемы пятнадцать лет проработали на орбите

№ в серии: 60 из 233 · № в сезоне: 6 из 11 · Сезон: 6 «Засыпанный рубеж» · Дзен: 06.11.2026 · ЖЖ: 20.12.2026 · Теги: Историческая Россия, Засыпанный рубеж

Управляющая ЭВМ орбитальной станции «Мир» отработала в космосе пятнадцать лет — с 1986 по 2001 год. Её делали в Зеленограде, в НИИ «Субмикрон». Это не про калькуляторы из советского быта. Это про то, ради чего город строили на самом деле.

Когда сегодня спорят о советской микроэлектронике, разговор почти всегда сводится к бытовой технике: у кого был лучше калькулятор или магнитофон.

Это ложный след. Зеленоград создавался не для прилавка.

Его главным заказчиком с самого начала были оборона и космос — и именно там его изделия работали на мировом уровне.

Давайте посмотрим, что этот город реально дал стране. Без патристического преувеличения, но и без привычного самоуничижения.

КУДА ШЛИ ПЕРВЫЕ СХЕМЫ

Первые же интегральные схемы, выпущенные в Зеленограде, пошли не в приёмники.

Приоритет с самого начала отдавался оборонной тематике: Научный центр создавался как головная в стране организация по микроэлектронике в интересах обороны.

И первые схемы под руководством главного конструктора Бориса Малина сразу нашли применение в бортовой ракетно-космической аппаратуре — под личным контролем Оборонного отдела ЦК.

Вдумайтесь в эту разницу.

Пока обыватель представляет себе «отсталую советскую электронику» по дефицитному магнитофону, реальная зеленоградская схема в это время

управляла ракетой и спутником.

Массовые бытовые изделия у страны выходили хуже западных — это правда. Но элементная база стратегических систем была здесь совсем другого качества.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ НА ОРБИТЕ

Самое наглядное — космос.

Зеленоградский НИИ «Субмикрон» дал стране управляющие бортовые вычислительные машины для космоса, авиации и подводного флота.

Под его маркой была создана управляющая ЭВМ орбитальной станции «Мир» — и она отработала на орбите пятнадцать лет, весь срок жизни станции.

Это не лабораторный образец и не единичный рекорд: это техника, годами работавшая в открытом космосе без ремонта.

Позже, уже в наши дни, тот же «Субмикрон» сделал цифровой бортовой компьютер для первого полностью цифрового пилотируемого корабля «Союз». Линия, заложенная при Лукине и Валиеве, не оборвалась — она дотянулась до кораблей, летающих сегодня.

Город, задуманный как мозг державы, буквально работал мозгом её космической и оборонной техники. И это несопоставимо весомее любого бытового прибора, по которому обычно судят об эпохе.

ИНДУСТРИЯ, А НЕ КУСТАРЩИНА

За космическими рекордами стояло серийное производство, и его масштаб стоит назвать.

В 1966 году в зеленоградском НИИ молекулярной электроники, у завода «Микрон», под руководством Камиля Валиева зарегистрировали первые серийные кремниевые интегральные схемы.

А к 1980 году один только «Микрон» выпускал порядка ста миллионов микросхем в год.

Вместе с минским «Интегралом» он стал становым хребтом всего советского производства микросхем — той базой, на которую опирались и вычислительная техника, и системы вооружения.

Это важно проговорить, потому что «сто миллионов штук в год» — это уже не единичные лабораторные образцы, которыми можно похвастаться на выставке.

Это индустрия: поток, стандарт, серия. Страна не просто умела сделать хорошую схему в одном экземпляре — она умела делать их массово.

У САМОГО УРОВНЯ МИРОВЫХ ЛИДЕРОВ

К концу 1970-х отрасль подошла к своему пику — и это можно измерить.

По свидетельству участников и историков техники, в 1978–1980 годах отечественная микроэлектроника, прежде всего усилиями зеленоградских предприятий, очень близко подошла к тому уровню, что был тогда в США.

Косвенное, но красноречивое доказательство: выходы Научного центра на международные выставки вызывали у западных специалистов удивление, а у западных правительств — ужесточение экспортных ограничений по линии КоКом.

Отставать от того, кто безнадёжно позади, никто не станет ограничениями.

Здесь я держу дисциплину, которую обещала на весь сезон. «Очень близко подошла» — это не «превзошла».

Расхожее утверждение, будто советские разработки «по ряду характеристик превосходили западные аналоги», в отдельных параметрах и годах бывало правдой, но как общее суждение не доказано и остаётся открытым вопросом.

Честная и притом более сильная формулировка иная: страна входила в узкий круг мировых лидеров и умела создавать оригинальное, а не только копировать.

К 1980 году один только зеленоградский «Микрон» выпускал порядка ста миллионов микросхем в год. Это была индустрия, а не кустарщина.

ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ ДЛЯ ВСЕГО СЕЗОНА

Вот зачем этот материал стоит между историями о людях.

Прежде чем говорить о стирании — а третья часть сезона будет именно о нём, — нужно ясно понимать масштаб того, что стирали.

Не захолустную фабрику, не отсталое производство «на всякий случай», а отрасль, входившую в тройку мировых, работавшую на космос и оборону, способную к оригинальным решениям.

Только на этом фоне видна настоящая величина утраты. Стереть отставшую провинцию — полбеды. Стереть то, что было у самого переднего края, — беда совсем иного порядка.

И ещё одно. Всё это создавалось не ради экспорта и не ради витрины, а ради независимости страны: своя элементная база означала, что в критический момент ракету, спутник и подлодку не оставят без «мозгов» чужие санкции.

Утратив эту базу, страна утратила не престиж — она утратила часть самостоятельности.

ВОПРОС

Итак, город давал стране схемы, летавшие в космос по пятнадцать лет, и стоял у самого уровня мировых лидеров.

Ответ не в том, что «советское было плохим», — мы только что видели обратное. Дело в том, что случилось со страной и с самим отношением к этому заделу.

Как же тогда вышло, что через десять-пятнадцать лет от этой отрасли остались руины, а лучшие её люди уехали за океан?

Шестой материал сезона «Засыпанный рубеж», всего 11. В следующий раз — новый сезон и новая земля.

Фальшивку сочинил советский писатель. Настоящий документ страшнее

№ в серии: 61 из 233 · № в сезоне: 7 из 11 · Сезон: 6 «Засыпанный рубеж» · Дзен: 08.11.2026 · ЖЖ: 22.12.2026 · Теги: Историческая Россия, Засыпанный рубеж

«План Даллеса» про растление молодёжи и подмену ценностей впервые произнёс не глава ЦРУ. Его произнёс персонаж советского романа — штандартенфюрер СС Лахновский из «Вечного зова» Анатолия Иванова. Издание 1981 года, «Молодая гвардия», страница 513.

Аллену Даллесу эти слова приписал митрополит Иоанн (Снычев) — в статье в газете «Советская Россия» от 20 февраля 1993 года.

Оттуда цитата разошлась по патриотической печати и живёт до сих пор.

Англоязычного оригинала не нашли ни разу, в том числе в рассекреченных архивах ЦРУ, — по простой причине: его не существует.

Есть и деталь, которая добивает эту историю окончательно. Цитату обычно подают как речь «руководителя ЦРУ» 1945 года.

Но ЦРУ было создано только в 1947-м, а Аллен Даллес возглавил его лишь в 1953 году.

То есть в момент, когда он якобы произносил свой план, ни этой должности, ни самого ведомства ещё не существовало.

А рядом лежит подлинный документ с теми же по сути целями, только без беллетристики про души. И он куда серьезнее подделки.

ЧТО ЗА ДОКУМЕНТ НА САМОМ ДЕЛЕ

Директива Совета национальной безопасности США NSC 20/1 «Цели США в отношении России» датирована 18 августа 1948 года.

Её подготовили по запросу министра обороны Джеймса Форрестала, в разгар кризиса вокруг советской блокады Западного Берлина — той самой, из-за которой западные союзники год снабжали город по воздуху.

К Аллену Даллесу и к ЦРУ документ отношения не имеет вовсе: это работа аппарата Совета национальной безопасности, органа, созданного за год до того.

Документ давно не секретный.

Полный текст опубликован в академическом сборнике Томаса Этцолда и Джона Льюиса Гэддиса «Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950», вышедшем в 1978 году в издательстве Колумбийского университета, — страницы 173–203.

Тридцать страниц, которые может открыть любой желающий и проверить каждую строку.

Две главные цели в нём сформулированы прямо: сократить мощь и влияние Москвы до пределов, при которых она не будет угрожать миру, и добиться коренного изменения теории и практики международных отношений, которым следует советское правительство.

Дальше — про сокращение территориального контроля Москвы, про то, какой должна стать страна после смены курса.

Никакого растления душ. Холодная геополитика: как ослабить конкретное государство.

КАК ПОДДЕЛКА И ПОДЛИННИК СРОСЛИСЬ

История этой путаницы сама по себе поучительна.

В СССР фрагменты NSC 20/1 стали широко известны по книге Николая Яковлева «ЦРУ против СССР» — пропагандистскому изданию, общий тираж которого достиг примерно двадцати миллионов экземпляров.

Цитаты там шли в тенденциозном переводе, вырванными кусками — с расчётом на эффект, а не на точность.

А дальше два текста слиплись в массовом сознании в один.

То, что сегодня расходится под именем «плана Даллеса», — это компоновка из двух источников: монолога вымышленного Лахновского и препарированных фрагментов настоящей директивы.

Первое — художественный вымысел советского писателя. Второе — реальный документ, но пересказанный так, чтобы звучал как заговор против русской души.

Дошло до того, что в 2015 году суд города Асбест в Свердловской области признал листовки с «планом Даллеса» экстремистским материалом. Фальшивка получила официальный статус — только не тот, на который рассчитывали её распространители.

ПОЧЕМУ ЭТО ВАЖНО, А НЕ ПРИДИРКА

Ставки тут выше, чем кажется, и они прямо касаются темы этого сезона.

Тот, кто размахивает «планом Даллеса», думает, что усиливает свою позицию.

На деле он её обнуляет: довод держится на монологе персонажа из романа, и любой оппонент опрокинет его ссылкой на страницу 513 «Вечного зова».

Вместе с фальшивкой обесценивается и всё остальное, что этот человек говорит, — включая правду.

А тот, кто опирается на NSC 20/1, стоит на камне. Документ подлинный, опубликован в академическом сборнике, цели в нём прямые. Опровергнуть его нельзя.

Правда прочнее выдумки — и это правило работает во всём сезоне: и с числом павших под курганом, и с судьбой заводов, и с тем, что стало с городом.

ПРИ ЧЁМ ТУТ ХРУЩЁВ

Теперь самое тонкое место, и я пройду его без конспирологии.

Сопоставим цели директивы — подорвать основы, изменить теорию и практику советской власти — с тем, что происходило в стране при Никите Хрущёве.

Секретный доклад 1956 года, надломивший государственную преемственность ударом по фигуре предшественника. Бесконечные

реорганизации управления.

Запаздывание со стратегическими приоритетами — вроде микроэлектроники, к которой верхи повернулись в 1962 году лишь под давлением специалистов, о чём я писала отдельно.

Многое из этого объективно легло в то самое русло, которое директива и намечала. Внешнему противнику, желавшему «изменить теорию и практику» советской власти, трудно было мечтать о большем, чем удар, который эта власть нанесла себе сама.

Но я не утверждаю, что Хрущёв исполнял чужой приказ, — документов об этом нет, и выдумывать их я не стану.

Формулировка честная и потому прочная: вектор его решений вольно или невольно совпал с вектором чужой программы. Умысел — вопрос открытый. Совпадение направления — наблюдаемый факт.

ВОПРОС

Итак, у страны был реальный внешний противник с прямо записанной целью — ослабить её. Это не выдумка публицистов, это тридцать страниц в академическом сборнике.

Но вот что стоит спросить честно, и я оставляю этот вопрос последним.

Ответ, к которому идёт сезон, неуютен: чужая программа тут почти и не понадобилась.

Когда через сорок лет разберут по кирпичику Зеленоград — обвалят заказ, распустят коллективы, обанкротят заводы, — это будет исполнением чужой директивы или работой собственных рук?

Седьмой материал сезона «Засыпанный рубеж», всего 11. В следующий раз — новый сезон и новая земля.

У него была «Волга» с кремлёвскими номерами и четыре остановки до работы

№ в серии: 62 из 233 · № в сезоне: 8 из 11 · Сезон: 6 «Засыпанный рубеж» · Дзен: 10.11.2026 · ЖЖ: 24.12.2026 · Теги: Историческая Россия, Засыпанный рубеж

Анатолий Михайлович Ларионов, партийный руководитель Зеленограда, имел всё, что полагалось по должности.

Служебную чёрную «Волгу» с кремлёвскими номерами, право проезда всюду, правительственную радиотелефонную связь «Алтай» в машине.

До работы ему было четыре остановки, и он их нередко проезжал на рейсовом автобусе — просто потому, что так было проще.

Никакого аскетизма в этом не было и изображать его я не стану. Было другое — то, что важнее аскетизма: руководитель города вышел из его же научно-производственной среды и остался в ней своим. Он не приезжал в Зеленоград руководить. Он в нём жил.

Таких управленцев начали вымывать в середине 1980-х — задолго до того, как рухнули заводы и страна.

ВЛАСТЬ, ВЫРОСШАЯ ИЗ ГОРОДА

Зеленоград был городом особого устройства, и власть в нём была под стать.

Мы уже видели в этом сезоне, из кого складывалась его элита: первый директор Научного центра Фёдор Лукин, начинавший кочегаром и выученный страной на инженера; Камиль Валиев, наладивший выпуск первых серийных микросхем; Леонид Преснухин, поднявший МИЭТ. Людей поднимало дело, а не происхождение.

Партийное руководство здесь было того же корня.

Ларионов пришёл во власть не из чужого аппарата, спущенного сверху, а из местной научно-производственной среды — той самой, что делала

микроэлектронику. Он понимал, чем живёт город, потому что сам из него и вышел.

Быт был соответствующий. Жил среди бывших коллег в обычном доме.

Дети ходили в обычную 842-ю школу — ту, где поднимали останки павших защитников рубежа и где нашли медальон Садыка Зарыпова.

Служебная машина при этом стояла: должность есть должность, и «Волга» с кремлёвскими номерами и «Алтаем» полагалась ему по рангу.

Значительная часть этих подробностей дошла через городскую память и мемуарные свидетельства, в том числе воспоминания первого префекта Зеленограда Александра Ищука.

Это не архивные протоколы, и я обязана это оговорить. Но память эта устойчива, а с теплом вспоминают далеко не каждого партийного руководителя.

ГРИШИН: ТОТ ЖЕ ТИП, ДРУГОЙ МАСШТАБ

Чтобы понять, что именно вымывали, посмотрим на фигуру уровнем выше.

Виктор Васильевич Гришин руководил Москвой без малого восемнадцать лет — с 1967 года. Член Политбюро, один из вероятных претендентов в генеральные секретари.

При нём столица получила то, чем пользуется до сих пор: жильё, метро, промышленность, олимпийскую инфраструктуру 1980 года.

Это была старая государственническая школа — люди, мерившие работу построенным. И в декабре 1985 года именно Гришина сняли: 22 декабря Политбюро выдвинуло на его место Бориса Ельцина.

Судьба Гришина после отставки говорит о нём больше любой характеристики.

25 мая 1992 года он умер от инфаркта в очереди в районном собесе, куда пришёл переоформить пенсию как дважды Герой Социалистического Труда.

Не за границей, не в особняке, не при наворованных деньгах — в собесе, как рядовой пенсионер.

Восемнадцать лет во главе столицы не оставили ему ни счетов, ни недвижимости.

Гришин и Ларионов — фигуры разного масштаба: один держал столицу, другой — научный город на её окраине. Но склад один: руководители, выросшие внутри своего дела и им же измеряемые.

ЧИСТКА

Дальше — то, что задокументировано жёстко.

Заняв Московский горком, Ельцин за неполных два года провёл кадровую чистку аппарата.

Была уволена значительная часть руководящих работников горкома и первых секретарей районных комитетов столицы — а районов в Москве было больше трёх десятков.

Аппарат, складывавшийся десятилетиями, вычищался за считанные месяцы, быстро и публично.

У кампании были жертвы в прямом смысле. В июле 1986 года покончил с собой уволенный первый секретарь Киевского райкома Москвы Александр Коровицын — конкретное имя за общими словами про «очищение рядов».

На волне этой энергии сам Ельцин пошёл вверх: в феврале 1986 года, на XXVII съезде партии, его избрали кандидатом в члены Политбюро.

Отдельная, вошедшая в учебники черта того периода — демонстративная простота: объезды магазинов и складов, поездки на общественном транспорте, широко освещавшиеся прессой.

Историки называют эти методы популистскими — рассчитанными на публику.

Разница с зеленоградским секретарём здесь принципиальная.

Одному служебная «Волга» полагалась, и он ею пользовался, а четыре остановки иногда проезжал на автобусе, потому что так удобнее.

Другой ездил на транспорте, чтобы это увидели и написали. Первое — быт. Второе — приём.

Под эту кампанию попал и Ларионов.

ПОЧЕМУ ПЕРВЫМИ УБИРАЮТ ТАКИХ

В этом и механика раннего стирания.

Руководитель, выросший внутри своего города и своего дела, — плохой материал для больших ломок.

Он привязан к людям, к производству, к сделанному, и будет это защищать. Чтобы ломать по-крупному, такие мешают.

Их убирают первыми — не обязательно по личной злобе, а по логике кампании, расчищающей место под фигуры, ни к чему не привязанные.

Я не утверждаю, что Ельцин лично метил в зеленоградского секретаря: кампания была массовой, а не адресной. Но её вектор был именно таков.

У истории есть и продолжение, в котором точку ставит сама судьба.

В октябре 1987-го Ельцин публично разругался с руководством на пленуме ЦК, а 11 ноября 1987 года его сняли с поста первого секретаря горкома: тот же механизм, что вычищал других, задел и его.

Разница в том, что он вернулся — и через несколько лет применил тот же приём уже не к аппарату, а к стране.

ВОПРОС

Стирание Зеленограда началось не с камня и не с заводов. Оно началось с людей — с вымывания того типа руководителя, что был плотью от плоти города.

И вот вопрос, с которым идём дальше. Если сначала убирают тех, кто стал бы защищать, — своих, укоренённых, знающих дело изнутри, — что удивительного в том, что потом беспрепятственно стирают и заводы, и память?

Восьмой материал сезона «Засыпанный рубеж», всего 11. В следующий раз — о том, как один из главных зеленоградских заводов взял

кредит около 815 миллионов евро и купил на них поддержанную линию и пришёл к банкротству.

Завод купил подержанную линию AMD — и обанкротился

№ в серии: 63 из 233 · № в сезоне: 9 из 11 · Сезон: 6 «Засыпанный рубеж» · Дзен: 12.11.2026 · ЖЖ: 26.12.2026 · Теги: Историческая Россия, Засыпанный рубеж

В 2008 году зеленоградский завод «Ангстрем-Т» взял у Внешэкономбанка кредит около 815 миллионов евро.

На эти деньги купили не новейшую фабрику, а подержанную технологическую линию у американской компании AMD.

Через одиннадцать лет завод признали банкротом с долгом в десятки миллиардов рублей.

В этой истории, как в капле, отразилось всё, что произошло с зеленоградской микроэлектроникой после 1991 года.

Город, который когда-то сам проектировал будущее и давал схемы для космоса, теперь покупал за границей чужое вчерашнее — и не сумел расплатиться даже за него.

Разберём эту историю спокойно, по цифрам и датам. Она того стоит.

КАК ЭТО БЫЛО ЗАДУМАНО

В 2000-е государство решило возродить отечественную микроэлектронику — и это было правильное желание.

Проблема была в способе. Вместо того чтобы вкладываться в собственную разработку и в восстановление порванной научной школы, ставку сделали на быстрый результат — закупку готовой технологии за рубежом.

Логика понятная: своё восстанавливать долго и трудно, а купить готовое кажется быстрее. На деле оказалось и дольше, и дороже, и безрезультатнее.

Завод «Ангстрем-Т» — наследник исторического зеленоградского «Ангстрема» — должен был стать современной фабрикой.

В 2008 году под этот проект Внешэкономбанк выдал кредит около 815 миллионов евро.

Ключевое слово в этой сделке — «подержанную»: покупали не самое передовое оборудование, а технологию, которую сам её создатель уже перерос и выставил на продажу.

То есть с самого начала догоняющая логика была заложена в фундамент проекта: мы покупаем то, от чего лидер уже отказался.

Противопоставьте это тому, с чего начинался город.

В 1960-е сюда пришли инженеры, которые проектировали своё — оригинальные вычислительные машины, элементную базу для космоса.

Замысел был в том, чтобы догнать мир собственной головой. А спустя полвека замысел свёлся к тому, чтобы купить чужую голову за границей — и даже это не получилось.

Между этими двумя логиками — вся разница между живой отраслью и её имитацией.

ДОЛГ, КОТОРЫЙ НЕ ОТДАЛИ

Дальше десять лет история катилась под гору.

Кредит нужно было возвращать с процентами.

Завод строился и запускался медленно, современное производство на закупленной линии наладить в срок не удалось, а долг тем временем рос.

К 2018–2019 годам задолженность перед Внешэкономбанком выросла до десятков миллиардов рублей.

Развязка наступила в 2019 году.

В конце декабря 2018-го банк-кредитор фактически забрал завод за долги, весной началась процедура наблюдения, а в октябре 2019 года арбитражный суд признал «Ангстрем-Т» банкротом.

Мощности отошли кредитору, а затем — новой структуре, которая пыталась запустить производство уже под другим именем.

Обратите внимание на порядок величин. Кредит — сотни миллионов евро. Долг к финалу — десятки миллиардов рублей. Срок — больше

десяти лет.

За эти деньги и за это время в мире строят и запускают современные фабрики с нуля.

Здесь же за них не сумели наладить производство даже на готовой, пусть и подержанной, линии. Дело было не в нехватке денег — деньги как раз дали, и огромные.

Дело было в том, что купить работающую отрасль, как покупают станок, невозможно.

Я привожу эти цифры и даты специально сухо, без нагнетания. Они говорят сами за себя: гигантский государственный кредит, подержанное иностранное оборудование, десять лет, миллиардные долги — и банкротство.

ЧТО ЗДЕСЬ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ГОРЬКО

Сравним две эпохи одного и того же места.

В 1960–70-е зеленоградские инженеры сами проектировали вычислительные машины, сами выходили к рубежу мировых лидеров, давали схемы, которые пятнадцать лет работали на орбите. Государство ставило задачу — и профессионалы её решали, создавая оригинальное.

В 2000-е тот же город, теми же руками, но в другой логике, покупает за огромные деньги чужую подержанную линию — и не может её вытянуть.

Разница не в людях и не в способностях. Разница в том, что порвалась связность: исчезла школа, ушли кадры, распалась среда, в которой рождается своё. Осталась попытка купить готовое — и даже она провалилась.

Вот в чём суть стирания, о котором весь этот сезон. Стёрли не отдельный завод — стёрли способность делать своё. А купить чужое взамен утраченного своего, как выяснилось, не получается: технологию мирового уровня на рынке подержанного не покупают.

КТО ЕЩЁ УЦЕЛЕЛ, А КТО НЕТ

Чтобы картина была честной, назову и тех, кто выстоял.

Флагманский «Микрон» — завод Валиева — выжил и работает до сих пор, освоив контрактное производство.

Но выжил именно на догоняющих ролях, отставая от мировых лидеров на поколения. «Субмикрон», делавший ЭВМ для космоса, удержался.

А вот специализированный вычислительный центр — то крыло, что давало оригинальные архитектуры, — был расформирован ещё раньше; завод материалов «Элма» сменил профиль.

Из спроектированной когда-то как единое целое экосистемы уцелели отдельные клетки.

Но сам организм — сквозной цикл от физики до серийной схемы, ради которого город и строили, — перестал существовать.

А организм, в отличие от отдельной клетки, заново не отрачивается: можно сохранить завод, но нельзя приказом воскресить всю среду, в которой рождается своё.

ВОПРОС

Итак, город, стоявший у переднего края мировой микроэлектроники, через тридцать лет не смог наладить производство даже на купленной за рубежом поддержанной линии.

Возникает вопрос, на который в этом сезоне уже почти виден ответ. Если своё разрушено, а чужое купить и запустить не выходит, — то что вообще осталось от великого замысла, кроме памяти о нём? И как эту память теперь хранят — или не хранят?

Девятый материал сезона «Засыпанный рубеж», всего 11. В следующий раз — новый сезон и новая земля.

Он делал прицелы для зениток, а потом построил МИЭТ

№ в серии: 64 из 233 · № в сезоне: 10 из 11 · Сезон: 6 «Засыпанный рубеж» · Дзен: 14.11.2026 · ЖЖ: 28.12.2026 · Теги: Историческая Россия, Засыпанный рубеж

Диплом Леонида Преснухина, защищённый в МВТУ имени Баумана в 1941 году, назывался «Приборы управления стрельбой артиллерии».

Всю войну он конструировал вычислители, наводившие зенитки на немецкие самолёты.

А через двадцать пять лет построил главный вуз Зеленограда и двадцать два года им руководил.

Студенты звали его «наш дед» — не за возраст, а за непререкаемый авторитет, какого не добьёшься по должности.

Но за тёплым прозвищем стоит человек с очень конкретной, очень жёсткой биографией: инженер, чьи приборы сбивали врага, и учёный, создавший целую научную школу.

Не «добрый ректор», а конструктор оружия, ставший строителем города науки.

Разберём по фактам — их, в отличие от общих слов, тут хватает.

ИНЖЕНЕР ВОЙНЫ

Леонид Николаевич Преснухин родился 26 августа 1918 года в деревне Харлово Тверской губернии — обычной деревне, каких тысячи.

В 1941 году он окончил МВТУ имени Баумана.

Ещё студентом и молодым инженером, с 1936 года, работал конструктором — сначала в институте чёрной металлургии, потом на заводе Наркомата судостроительной промышленности.

А в войну занялся тем, что тогда было на переднем крае техники: разработкой спецвычислителей военного назначения — приборов управления артиллерийско-зенитным огнём, сокращённо ПУАЗО.

Что это такое, стоит объяснить.

ПУАЗО — это аналоговый вычислитель, который в реальном времени считал, куда должен стрелять зенитчик, чтобы попасть в летящий самолёт: с упреждением, с поправкой на скорость и высоту цели.

По сути, это был боевой компьютер до эпохи компьютеров. Преснухин делал приборы, которые наводили советские зенитки на немецкую авиацию.

Его инженерная война была именно такой — не в окопе, а за расчётом траекторий, от которого зависели сбитые самолёты.

УЧЁНЫЙ, СОЗДАВШИЙ ШКОЛУ

После войны Преснухин остался в науке и превратил свой военный опыт в целое направление.

Преподавая в МВТУ, он создал научную школу проектирования специализированных вычислителей — то есть машин, заточенных под конкретную задачу, а не универсальных.

В 1959 году организовал на кафедре отраслевую лабораторию вычислительных средств и систем управления.

В 1955 году его командировали в Пекин — помогать китайским коллегам создавать Пекинский политехнический институт.

Дальше — быстрый послужной список, каждая строка которого дорогого стоит. Декан приборостроительного факультета МВТУ. Доктор технических наук, профессор.

В 1972 году — Государственная премия СССР за разработку и освоение в серийном производстве образцов новой техники.

Позже — член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат премии имени Мосина, заслуженный деятель науки и техники РСФСР.

Кавалер ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции, двух орденов Трудового Красного Знамени.

Труды — по системам управления и многопроцессорным вычислительным системам для робототехнических комплексов.

Это не биография «доброго дедушки». Это биография человека, стоявшего у самого острия оборонной вычислительной техники страны.

КАК ОН СТРОИЛ МИЭТ

Летом 1966 года бывшего декана МВТУ Преснухина назначили первым ректором Московского института электронной техники. И строить пришлось буквально с нуля.

Первых студентов зачислили 1 сентября 1966 года — торжественное собрание провели в зеленоградском кинотеатре «Электрон», потому что своих корпусов у института ещё не было.

Иногородних селили в бывшем общежитии строителей на улице Юности. Института как здания ещё не существовало — были люди, воля и задача.

Преснухин руководил МИЭТ с 1966 по 1988 год — двадцать два года. Он основал и возглавил кафедру вычислительной техники, перенесся в новый вуз свою научную школу.

За эти годы институт вырос в один из ведущих технических вузов страны, выпустивший десятки тысяч инженеров — тех самых, что работали на «Микроне», «Ангстреме» и в зеленоградских НИИ.

А «дедом» его звали за вещи вполне конкретные.

Он лично напутствовал студенческие стройотряды и поездки «на картошку», проверял, в каких условиях живут и работают студенты.

Для комсомольских вожаков института он был непререкаемым авторитетом — это фиксируют и воспоминания коллег.

«Дед» здесь — не про возраст, а про то, что к нему относились как к старшему, которому доверяют.

ХРАМ РАЗУМА

О том, каким Преснухин хотел видеть свой институт, красноречивее всего говорит его здание.

Главный корпус МИЭТ построили архитекторы Феликс Новиков и Григорий Севич — это признанный памятник советского модернизма.

Оформление доверили скульптору Эрнсту Неизвестному: внутренние стены институтской библиотеки опоясывает его белый барельеф площадью около тысячи квадратных метров под названием «Становление человека разумного», а саму библиотеку украшают рельефные портреты учёных — от Ломоносова до Эйнштейна.

Во входном портале задумали часы с колоколом, каждый час игравшие музыку, специально написанную Микаэлом Таривердиевым.

И вот совпадение, которое не спроектируешь нарочно.

В городе, выросшем у могилы Неизвестного солдата, главный институт сделал своим символом «Становление человека разумного» работы скульптора по фамилии Неизвестный. Храм памяти о защитниках и храм разума встали на одной земле.

ВОПРОС

Леонид Преснухин умер 27 июня 2007 года в Зеленограде и похоронен на городском кладбище — в городе, который во многом сам и построил. Его имя здесь чтят.

И вот с чем мы подходим к финалу сезона.

Город вырастил таких людей — конструкторов, у которых военный вычислитель и научная школа, строгость и доверие уживались в одном человеке.

Такого не воспитаешь заново постановлением: инженера уровня Преснухина, как и его авторитет, нельзя назначить.

Почему же город, способный рождать подобных людей, сегодня так плохо помнит сам себя — и позволяет менять смысл даже на своём кургане?

Десятый материал сезона «Засыпанный рубеж», всего 11. В следующий раз — новый сезон и новая земля.

На памятнике, который стоит на гербе города, появились имена

№ в серии: 65 из 233 · № в сезоне: 11 из 11 · Сезон: 6 «Засыпанный рубеж» · Дзен: 16.11.2026 · ЖЖ: 30.12.2026 · Теги: Историческая Россия, Засыпанный рубеж

Мемориал «Штыки» открыли 24 июня 1974 года: 42-метровый обелиск в виде трёх сомкнутых штыков над 27-метровым курганом. Его изображение вошло в герб и флаг Зеленограда. И на теле этого кургана за полвека не было ни одного имени — по замыслу.

В 2023 году имена там появились. Полированные плиты со списком легли на монумент, задуманный и построенный как памятник безымянным.

Это финал сезона — и он возвращает нас туда, откуда всё началось: к братской могиле, из которой страна взяла своего Неизвестного солдата.

Разберём, что именно было сделано и почему это не мелочь.

ЧТО ПОСТРОИЛИ В 1974 ГОДУ

Мемориал строили почти десять лет — с середины 1960-х.

Творческую бригаду возглавил главный архитектор Зеленограда Игорь Александрович Покровский.

С ним работали архитектор Юрий Свердловский и скульпторы Евгения Штейман-Деревянко и Алексей Штейман.

Курган высотой 27 метров насыпали из земли, свезённой со всех зеленоградских строек, — той самой земли, из которой при строительстве города поднимали останки погибших.

Над курганом подняли обелиск в 42 метра: три сомкнутых штыка, символ единства фронтов обороны Москвы. На склоне — барельеф-триптих, у подножия — бронзовая чаша. Комплекс стоит на 40-м километре Ленинградского шоссе, у второго въезда в город.

Сегодня это объект культурного наследия регионального значения. А его силуэт — на гербе и флаге Зеленограда: город сделал этот памятник собственным опознавательным знаком.

Под курганом, по имеющимся оценкам, покоится более 760 человек. Первые захоронения прошли ещё зимой 1941–1942 годов — воинов собирали на месте боёв за Матушкино; в 1960-х к ним добавили останки, найденные при строительстве.

И на всём этом — ни одного имени. Полвека.

ПОЧЕМУ ИМЁН НЕ БЫЛО

Это не упущение и не нехватка данных. Это конструкция замысла.

Любой именной список раздробил бы монолитную форму и превратил бы высказывание о безымянном бессмертии в кладбищенскую ведомость.

Безымянность здесь была не бедностью, а высшей формой мемориальной этики — той самой, что сделала возможным выбор именно отсюда праха для Могилы Неизвестного Солдата в 1966 году.

Напомню критерий, с которого начинался сезон: солдата искали такого, у кого имени нет и быть не может.

Показательно, что эту логику признаёт и сама администрация: отвечая жителям, она подтверждает, что мемориал задумывался как памятник всем солдатам, чьи имена остались неизвестными, а подвиг — бессмертен.

То есть безымянность кургана — не частное мнение, а официально признанный смысл памятника.

ТОТ ЖЕ КАМЕНЬ, ОБРАТНЫЙ СМЫСЛ

Теперь про материал — деталь, отложенную в начале сезона.

Центральная ниша Могилы Неизвестного Солдата у Кремлёвской стены со словами «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен» выполнена из полированного лабрадорита.

Там благородный чёрный камень служит безымянности: он провозглашает, что имени нет и в этом вся суть.

В 2023 году полированные плиты с именным списком легли на зеленоградский курган. Тот же камень — против того самого смысла, которому он служит у Кремля.

У Кремлёвской стены лабрадорит хранит безымянность. В Зеленограде — наносит имена туда, где безымянность была замыслом.

Это не вандализм чужаков с баллончиком. Это извращение собственного языка памяти — благородным камнем, возможно, с добрыми намерениями, против собственного смысла.

АРИФМЕТИКА НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Кажется, что имена — это хорошо. Родственникам важно прийти к строке с фамилией. Что тут плохого?

Плохое — в цифрах. Под курганом более 760 человек.

Поимённо установлено около 200 — этим много лет занималась зеленоградский историк и свидетельница боёв за Крюково Александра Васильева.

Значит, любой список на кургане по определению неполон: он охватывает примерно четверть лежащих.

И тем самым делит павших на два разряда. Семья названного приходит к строке. Семья безымянного — к видимому свидетельству, что её погибшего на камне нет.

Курган без имён такого различия не делал: безымянны все, бессмертны все.

Именной список создаёт иерархию заново — и разрушает единственное, что делало этот памятник памятником всем.

Имена нужны, и я это не оспариваю.

Вопрос в месте. Их можно увековечить достойно — на отдельных стелах рядом, в реестре у входа, — не трогая монолит и не нарушая принцип, признанный самой администрацией.

Тогда своё получают и родственники названных, и достоинство неназванных, и замысел Покровского.

Именно поэтому по поводу плит подан судебный иск — не против памяти, а в её защиту.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ БУДУЩЕЕ

И последнее — то, что стирается тише всего.

К 1978–1980 годам зеленоградская микроэлектроника вплотную подошла к уровню США; «Микрон» выпускал около 100 миллионов микросхем в год; ЭВМ «Субмикрона» отработала на станции «Мир» пятнадцать лет.

Задел был реальный, шанс удержаться в группе мировых лидеров — тоже.

Его утратили не в конкуренции: «Ангстрем-Т» обанкротился в 2019-м с многомиллиардным долгом, за 1990-е из страны уехало порядка 45 тысяч учёных.

Курган засыпает память о прошлом подвиге. Обвал отрасли засыпал возможность подвига будущего.

И разница вот в чём: память ещё можно раскопать — вернуть имена достойным образом, восстановить экспозицию, очистить монумент. А несостоявшееся будущее не достроить задним числом.

ВОПРОС

Мы прошли одну подмосковную землю через три её судьбы. В декабре 1941-го здесь остановили немцев в 35 километрах от Москвы.

В 1974-м над братской могилой встал обелиск, попавший на герб города.

В 1966-м отсюда взяли Неизвестного солдата, а к 1980-му вокруг работала одна из сильнейших в мире микроэлектронных школ.

Всё, что стёрли руками, теми же руками можно и восстановить: очистить курган, вернуть музею честный рассказ, увековечить имена

отдельно и достойно. На это хватит воли у любого поколения, стоит захотеть.

Но кто вернёт городу то, чем он мог стать и не стал? И не в том ли главный урок этой земли, что разрушить своё лучшее всегда быстрее, чем построить, — и что помнить об этом надо прежде, чем в руки снова возьмут камень?

Одиннадцатый, заключительный материал сезона «Засыпанный рубезж». Сезон окончен. Следующий — «Смена».

СЕЗОН 7 · «СМЕНА»

Материалов в сезоне: 10 · **Сквозные №:** 66–75 · **Дзен:** 18.11.2026 — 06.12.2026 · **ЖЖ:** 01.01.2027 — 19.01.2027